

Что такое Баронец и что такое «березоненавистничество»?

(Ответ на заметку Влады Баронец
«Что такое Старикан и что такое Люлин?»)

– Влада, почему вы не просто Лада?

В ответ последовало злое шипение, молодая женщина вся на нервах, не в ладах с действительностью, так как до сих пор пребывает в Ладах, а не в первых леди петербургской поэзии. Но чтобы стать «белой костью» интеллектуально-либеральной и отчасти скандальной литературы ей еще предстоит проделать немало «черной и грубой работы». Например, «выйти в поле погуляти, белую березу заломати, лю-ли-Люлина «из мати в мати». Или хорошенечко путинскую «Ладу» поругати, а заодно и отечественного машинопроизводителя. Только что ей, взбаломошной и неусидчивой, маломощные малявки от автопрома, она, недавно жившая в Барселоне – столице мятежной Каталонии - насмотрелась на череду протестно-сепаратистских тракторных маршей в сторону Мадрида и поэтому по возвращению в варварскую Россию и нескольких посещений секции поэзии в петербургском отделении СПР быстренько определилась с еще одним горяченьким местом в своей насыщенной жизни – в кабине гигантско-циклопического, гусеничного агрегата для проведения беспарусной регаты, даже не морской или полевой, а, скорее береговой и лесной с беспощадным наездом и трескучим обвалом на весеннюю топкую землю наших любимых березонек. Видимо, Владе (которой ближе не лад, а кромешный ад) было выставлено условие: чем больше будет завалено на Почву берестяных деревьев, тем скорее получит титул Первая дама литературного спама.

Женщина она молодая, скорая, задача реально выполняемая: осуществить несколько тракторных атак на территории Ленобласти на равнинно-березовую Русь, а в перерывах между обвальными наездами совершать в прогулочном режиме через весь-то Петербург к Звенигородской улице под собственную сирену и под магическими знаменами футбольных клубов «Зенит» и «Барселона», чтобы молодежь встречала ее на улицах фанатским оглушительным приветствием, моторизованный бросок к Дому писателя. Как-то я уже писал, упоминая стадион «Локомотив», находящийся там же, во дворах, что иногда Звенигородская бывает местом скопища сталинских черно-красных паровозов, коммуно-капиталистических танков, а с недавних пор стала превращаться в площадку или в линейку для паломничества тракторов (с их поломанной железной судьбой).

Итак, когда огромный фэнтази-трактор подкатил почти впритирку к кафе «Подкова», из его кабины неспешно, как баронесса, спустилась на асфальт Влада Баронец и, прикинувшись начинающей поэтессой, направилась на очередное проафишированное заседание секции поэзии СПР,

которым руководила в тот вечер не Ирэна Андревна, а достаточно авторитетный Алексей Ахматов. И что же так не понравилось на тех раннеапрельских поэтических чтениях нашей трактористке-сепаратистке, если она через несколько дней разразилась гневной, огнеметкой заметкой под вообще-то не очень уважительным и скорее уничижительным названием «Что такое Старикан и что такое Люлин?». Для определения выбран «средний род», и исходя из этого для ответного спича подбираются всякие сомнительные прилагательные и парные существительные типа «Влада - Влад», «Александр-Александра». Короче, по заявленным в программе выступления мужичкам, поскольку они не являлись brutальными, как Высоцкий, новаявленная, но отъявленная полемистка «Влады» прошла неслабо.

Как она выразилась в заметке, «На первое подали Старикана» да еще пьющего из стакана (прихватил с собой термос). Ну, может, не из стакана, но важно что чай или еще какой-либо квасной патриотический напиток. Сама Влада скорее всего взяла бы на собственную читку (а Люлин даже страшно сказать что прихватил) красивую, ну не двухлитровую же, бутылочку пепси. Что сделаешь, поколение пепси, надо соответствовать пепсикольному мышлению и имиджу. Но поскольку для нее, яркой женщины типа пепси-секси Старикан с его окладистой бородой оказался сексуально непривлекательным, она по-простому, по-трактористски наехала на него и на его стихи, и будь ее воля, а не толерантного Ахматова, она прямо-таки размазала бы тезку, Владислава по писательским стендам аудитории. Наверное, у нее все же была взята с собой бутылочка с голлой «колой», если ей буквальной с бурой пеной на губах хотелось просто уничтожить этого абсолютно не эротичного и на «харю» совершенно нехаризматичного, как она сама выразилась, Илью Муромца, который в кальсонах пролежал на печи аж целых 33 года. И мало ли что он пришел на секцию со «спермосом», ведь сам попивал из него, а не размахивал им из стороны в сторону (а тогда бы и над головой бедного Ахматова тоже), чтобы произвести сильное впечатление на чувствительных до обморочного состояния поэтических дам и православных девушек.

Но все равно вскоре он пошел в разнос, и как пишет в своей статье Баронец, «на слушателей в промышленных объемах посыпались березы, клены и прочие атрибуты *деревенской патриотической жизни*». Ага, значит, атрибуты, но почему они посыпались, а не покатились, как бревна во время молевого сплава или с железнодорожных эстакад, и не раздавили Владу, сидевшую тут же, в практически обреченном на катастрофу помещении? Нет, так зло говорить про березы и клены – это навет, фейк, грязный выпад не только против светлых чувств простого народа, но и против «скромного обояния» буржуазии, которая к злости и к зависти «нуждающейся» Влады любит как раз выезжать к загородным навороченным коттеджам и отдыхать под сенью якобы околославянских скотопригоньевских берез? Просто пореже надо баловаться пепси-колой, и тогда будет меньше таких проколов. А так довольно печальное и мало кому интересное зрелище, как поломанную и переломанную Владу вытаскивают ленивые и мятужные МЧС-ники из-под

разнокалиберных древесных стволов в 26 аудитории. Это же надо было приехать из гражданской Барселоны (бар, салоны) в медвежье-православную Россию и оказаться раздавленной то ли березовыми бр-бр-бревнами, то ли большущим сторикановским термосом. Мало ей было в своих тракторных наездах на сельскую Русь заваливать беззащитные деревья, так она и в статейке первым делом ополчилась, окрысилась против зеленых лесов, а так же против стола, который без всяких сомнений, категорично назвала дубовым, хотя навряд ли к нему подходила близко и определяла породу его древесины на ноготок. Но поскольку прилагательное «дубовый» в данном контексте звучит неблаголепно, то пусть на него симметричным способом ответит и Старикан, и даже Ахматов, которого этот стол так же касался (оскорбительно задевал) во время сидения за ним.

Но тут все не так смешно и не так просто.

Березофобия – это русофобия. Наезжать на березы - это и есть наезжать на Россию. И что симптоматично, аляповая статейка была как раз накарябана в те дни, когда по центральному телеканалу показывали многосерийный художественный фильм «Березка» (о славной деятельности всемирно известного национального танцевального ансамбля), а тут Баронец, откровенно измывается над отечественной символикой. И откуда у этих баронесс – злющих трактористок-террористок – такое березоненавистничество и крайняя безгливость, которая может вызвать как ответную меру берия-згливость? Зачем это им? Ах, там, где стоят березы, там же высятся белые православные церкви? А, если опасно выступать против путинских церквей, то хоть на березах отыгаться? Это еще с дореволюционных времен повелось: посмеяться над Россией-лапушкой, задрать ей подол. А потом уж очень хорошо горели русские березовые дрова в гигантском костре революции 17 года! «Взвейтесь кострами, синие ночи»! Не думайте, что только русские матрешки и русская водка - являются СКВ, жидкой и древесной конвертируемой валютой. Березовые дрова можно тоже толкнуть по бартеру, а на вырученные деньги, допустим, поддерживать огонь в не очень-то патриотических и не по-детски продвинутых журналах «Костер» да «Искорка» и даже в никогда не затухающем, изрядно укороченном после Коротича «Огоньке», вблизи которых на «Пламенной кузне» выковываются новые кадры березоненавистников.

И я чувствую, что мятежная Влада (в которой нет русского лада?) готова пострадать, пожертвовать своей относительной молодостью и заняться еще более черной работой, чем тракторное вождение, – добровольно укатить на лесоповал, чтобы там заготавливать березовую древесину, которую бы направляли на поддержание поэтического всепожирающего пламени в подростковом «Костре» и, как всегда, в рисковом «Огоньке».

Наверное, многие слышали выражение «гортоп», обозначающее в сокращенном виде «городскую топливную систему», которая проводит или провозит по своей отчетной документации кроме газа и угля еще и несколько саней березовых дров, а так же определяется как «топтать по-бомжовски город». А вот словечко или совсем уж простенькое словообразование «горпо» переводится на нормальный язык как «городские поэты». Эти

«горпоты» тоже не дураки побухать под развесистыми березками, но их как бы по-отечески лупят хлесткими розгами те, кому из-за бугра поручено заниматься их идеологическим воспитанием. Так что у городских (я имею ввиду по рождению) стихотворцев березы тоже не в чести. Спросите у старых «костровцев» - они вам ответят, поохмят и позубоскалят. И тем более странно, что на недавней конференции молодых писателей Северо-Запада, проводимой под эгидой СПР, руководителями творческих семинаров были назначены именно «горпо». А троицу руководителей одного из таких семинаров я еще обозвал «китаезами», поскольку из начальных букв их фамилий (Краснов, Попов, Комаров) образовывалась КПК - то есть Коммунистическая партия Китая номер 3, находящаяся в политическом изгнании в Петербурге, где эти китаезы-ревизионисты проводят деятельность, идущую вразрез с линией Маркса-Ленина-Мао и вдобавок ко всему из-за своего городского гонора «наносит урон русской деревенской поэзии». Шучу, конечно... То ли дело подлинный, а не аля-русский поэт Владимир Морозов. Отличный лирик, беззаветный певец берез и белых церквей!

Да, хороший поэт, но не литературовед. Это же надо было сказать так простецки, не удосуждаясь хорошенько подумать, быстрехонько причислить к знаменитой когорте крестьянских поэтов Валентину Цареву и неизвестных даже мне петербуржцев М. Рысенкова и Т. Титову. Полнейшая историческая и поэтическая слепота. «Крестьянские поэты» - это была пусть и малочисленная (Есенин, Клюев, Ганин и др.), но политически русская организация, и никаких женщин в ней не состояло. Не надо, извиняюсь, «обабивать» и «бархатно-сахарно» смягчать направленность и значение деятельности этой самоотверженной литературной группы. А всяким деревенщикам, пишущим только про березки и ромашки, слишком жирно будет называться гордым именем «Крестьянские поэты».

Ну а как же там Влада нерусского лада? Когда она в своей заметке вспомнила название одного из стихотворений Старикана – «Улитка», то мне сразу представилось как из изящно-барского ротика Баронец полетели в сторону девственных берез черные жабы, улитки, ящерицы и пауки. Я тут же прилепил молодой женщине, наверное, поспешно, ярлык наследницы Улицкой, Алексеевич, Ахиджаковой... Но дальше еще круче. Влада, продолжая разыгрывать крученую карту «Улитка», призывает якобы русского богатыря Старикана выйти или выползти на бровях из этой самой улитки, которая, как я понял, еще олицетворяет и храм, только с рогами вместо креста. И сразиться с нею в открытом бою да в открытом поле, да на глазах у зрительниц-березок. Только, чур, она на тракторе, а Старикан в пешем положении. Двухлитровый термос ее не напугал, и поэтому она далее осуждающе и даже сожалеюще заявляет: «Как неизменные баба Яга и Кощей из русских сказок, появились «грусть-тоска», родная земля, русский дух и т.п.». Ага, прямо-таки отождествляет бабу Ягу с добрым и светлым русским духом.

Далее в заметке идут такие слова Баронец: «Громоздя друг на друга эти бутафорские конструкции», а это, судя по тексту - «родная земля,

русский дух и т. п.), написанные с малюсеньких букв. Так нам нагло предъявляется запредельная гнусь, откровенная злоба, отформатированная и отформулированная во время выучки новых русофобов в специальных детсадах, школах и университетах. Но что же тогда не бутафория, а настоящее, неподдельное? Ах, это, если пролистать вторичные или даже третичные по стилистике и наполнению стихи Баронец, сопоставив их с произведениями ее сверстников, – это городские камни и плевки, загаженные и кое-где заколоченные досками лестницы в домах центральных районов Петербурга. Парадные аки клоаки. Неспроста же для многих горожан созерцать использованные презервативы, одноразовые шприцы и какашки куда приятнее, чем смотреть на чудесные деревенские березы. Кстати, если уж я упомянул непосредственно о стихах Баронец, то скажу, что они опубликованы в довольно престижных, сам когда-то в них печатался, газете «Завра - День литературы» и журнале «Север», ставшими, увы, в наше время полулиберальными. Не такая уж Влада и начинающая поэтесса, как попробовала отрекомендоваться в собственной заметке.

Так что все на самом деле очень серьезно. Это не просто на березку, а на хрупкое русское чудо накатывает чудо-юдо непонятного происхождения, входящее в состав пятой российской тракторной колонны. А сама Баронец жутко какая смелая, если позволяет себе совершенно оскорбительное высказывание: «Старикан опять уходит в штампы, в общие фразы о любви к русскому (с тремя р)». На самом деле имеется ввиду с тремя «с», это такая высоколобная, дурно пахнущая уловка. Я прямо-таки весь скривился, когда далее прочел: «И рефреном проходящая строка «мы русские с тобой, а это значит» делала весь текст печально предсказуемым». А не является ли такая пренебрежительно-презренная трактовка Баронец рефрена «мы русские» предметом специального разбирательства?

Прошла уже неделя со времени публикации заметки Влады. Раскритикованный, а в некоторых местах и по делу, Старикан молчит. Не без оснований полагаю, что он отвечать не станет, так как хорошо помню его так же антипатриотическую эскападу, фиглярский фокус с переворачиванием великий национальной даты 9 Мая и превращения «девятки» в «шестерку». Тогда писательский народ кроме двух-трех человек промолчал, скорее всего промолчит и теперь в случае с выпадами Баронец, а между тем любят у нас, ох, как любят посудачить на тему, что же русское стопятидесятимиллионное население не реагирует на ежедневные политические и этнические притеснения, пренебрегая рифмованными призывами рафинированных поэтов-патриотов? Я полагаю, что Старикан такой же поэт-молчун. И в самом деле сколько в нашем СП перекусавшихся, быстро переобувшихся, перелицованных, то есть прячущих свои лица людей! Ну а я, каюсь, сам передел, придел поэтессу Баронец не в баронский и не в пижонский комбинезон трактористки, но только для наглядности наездов на наши березы. Теперь мне надо отмывать, обелять крестьянский трактор, использованный по такому неправильному назначению. Попробую это сделать через свой же крестьянско-полевой стих «Трактор-Зверь»:

Я не высокая трава.
Так что связался с тракторами?
К тому же тащатся едва
В своей тяжеловесной драме.

Вполне способные на прыть!..
Но, тархатенья, прочь вы, прочь вы,
Ведь как язычник должен быть
О чистоте земли и Почвы.

Собрать еще врачей-светил
Под высью голубой и ярой,
Чтоб трактор больше не дымил,
Как табаком, своей солярой?

Тогда под гусеницу что ль
Трубы чадающей сигарету?
Но затормаживать доколь
Машину варварскую эту?

Не допускал святой Сварог
Зеленых далей обработку.
И что деру я, как ворог,
За трактора тревожно глотку?

Выходит, прав был Шестаков,
Что я по сути православный,
Но полевой Устав таков,
Что пункт о хлебе - самый главный.

Ославь же, Кировский завод,
Гудком поэта-ренегата,
Не станет хлебосольным год,
Если заглохнет всё, ребята.

Мне говорят: «Не надо бы
Рвать трактористскую тельняшку».
- Но трактор нужен для борьбы
За нашу Русь, за хлеб-черняшку!